

ОТКРОВЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

1918, выдержки Дятлова Н. С. от 10.10.2015

II

1. Все герои Достоевского только и делают, что ходят друг к другу, разговаривают друг с другом, вовлекаются в притягивающую бездну трагических человеческих судеб. Единственное серьезное жизненное дело людей Достоевского есть их взаимоотношения, их страстные притяжения и отталкивания. Никакого другого «дела», никакого другого жизненного строительства в этом огромном и бесконечно разнообразном человеческом царстве найти нельзя.
2. В обычном смысле слова подросток — совершенный бездельник, как и отец его Версиков, как и все почти действующие лица в романах Достоевского. И все-таки Достоевский дает чувство того, что делается важное, серьезное, божеское дело.
3. Достоевский не любит брать человека в устойчивом строе этого мира. Он всегда показывает нам человека в безысходном трагизме, в противоречиях, идущих до самой глубины. Таков высший тип человека, явленный Достоевским.
4. Образ Мышкина — настоящее откровение христианского дионисизма. Мышкин ничего не делает, как и все герои Достоевского, он не занят строительством жизни.

III

5. Лучше ад для человеческой личности, чем безличное и бесчеловеческое блаженство. Диалектика о слезинке ребенка, из-за которой мир отвергается, хотя и вложена в уста атеиста Ивана Карамазова, все же принадлежит творческому воображению самого Достоевского. Он всегда является адвокатом человека, предстателем за судьбу его.
6. На примере своего творчества Достоевский показал, что преодоление рационализма и раскрытие иррациональности жизни не есть непременно умаление ума, что сама острота ума способствует раскрытию иррациональности.

IV

7. *«Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским».*

V

8. Прежде всего он [Достоевский — прим. Н.Д.] в корне отрицает, что человек по природе своей стремится к выгоде, к счастью, к удовлетворению, что природа человеческая рациональна. В человеке заложена потребность в произволе, в свободе превыше всякого блага, свободе безмерной. Человек — существо иррациональное.
9. *«дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти».*

VI

10. *«Он придет, и имя ему будет человекобог».* «Богочеловек?» — переспрашивает Ставрогин. «Человекобог, в этом разница». Этим противоположением потом очень злоупотребляли в русской религиозно-философской мысли. Идея человекобога, явленная Кирилловым в её чистой духовности, есть момент в гениальной диалектике Достоевского о человеке и его пути. Богочеловек и человекобог — полярности человеческой природы. Это — два пути — от Бога к человеку и от человека к Богу.

VI

11. Дух Христов дорожит свободой больше счастья, дух Антихристов дорожит счастьем больше свободы.

VII

12. Ширь, необъятность, безграничность — не только материальное свойство русской природы, но и ее метафизическое, духовное свойство, ее внутреннее измерение.

Конец текста